

Ольга Аросева — актриса в некотором роде легендарная. А когда мы пили кофе в ее уютной двухкомнатной квартире в районе метро «Аэропорт», я узнала, что у нее есть и другой талант: одновременно курить, красить волосы, разговаривать по телефону и собирать вещи — в этот вечер Аросева должна была вылететь в Киев на съемки юбилейного «Кабачка».

случае, пока ты на сцене — профессия тебя оберегает.
— Есть этому какое-то материальное объяснение?
— Прежде всего это какое-то особое состояние, которое неадекватно состоянию нормального человека в жизни. И, по-моему, нет никаких критериев, никаких единиц, которыми можно его определить или измерить. У каждого это происходит по-своему, но происходит всякий раз, когда актер выходит на сцену, — и это неоспоримый факт. В жизни нечто подобное возникает лишь в экстремальных ситуациях — обостренная чувствительность, предельное нервное напряжение.
— Именно поэтому вы стали актрисой?

— Это, пожалуй, самая большая мечта с детства. И единственная полностью осуществившаяся. А почему? Для этого, наверное, нужно немного рассказать историю моей

работе. Папа мой был человеком разносторонних интересов, очень образованным, свободно владел французским, немецким, английским языками. Пребывание в тюрьмах и ссылках стало для него не только хорошей жизненной школой, но и дало возможность повышать свой образовательный уровень. Оказавшись в эмиграции в бельгийском городе Льеже, он активно занимался партийной работой и учился на факультете истории и литературы Льежского университета.
Кстати, из Льежа отец мой ездил на Капри к Горькому, чтобы показать ему свои ранние литературные опыты. Это была первая, но не единственная их встреча.

Жизнь в эмиграции была нелегкой, отцу приходилось самому зарабатывать деньги тяжелым трудом, и все же он умудрялся изучать французский язык и читать французскую классическую литературу. В Париже произошла и его первая встреча с Лениным.

Из эмиграции папа рвался домой, в Россию, где его ждали новые аресты и ссылки. И так вплоть до 1917 года. В Москве в первые годы советской власти он был директором Института марксизма-ленинизма, затем перешел на дипломатическую работу: был первым послом в Литве, Латвии и Эстонии (в 1922—1923 годах), позже работал пресс-атташе первого посольства СССР в Париже, когда послом был Красин, потом — послом в Швеции, позднее — в Чехословакии.

В Праге и прошло наше детство — мое и сестер. Но родилась я здесь: мама специально приехала в Москву рожать.
В 1933 году папа вернулся в Москву и был назначен председателем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Это была его последняя должность.

Жили мы в те годы в «доме на набережной», откуда нас выгнали в 1933-м, когда отца арестовали. Все эти истории многократно описаны в нашей литературе. Нас выгнали безо всего: я находилась в это время в пионерском лагере, и в чем была — в труси-

и очень со мной дружат.

Такие вот связи прошлого и настоящего.

— Вы читаете книги отца? Вам это интересно, потому что это написал ваш отец или есть что-то большее?

— Несомненно, я пристрастный читатель, мне хочется больше и лучше узнать и понять своего отца. Но и то время, и многих выдающихся людей, с которыми он встречался и дружил, — мне интересны его наблюдения, мне нравится его чувство юмора.

Например, в книге «Беседы и встречи с друзьями в Европе», вышедшей в 1955 году в «Библиотеке «Огонька», он вспоминает свою дружбу с Роменом Ролланом, с которым познакомился еще до революции, в

эмиграции, — они тесно переписывались, долгие годы встречались, и в 1934 году, когда Роллан был в Москве, он даже жил у нас, в «доме на набережной». Культурные связи с заграницей входили в круг служебных обязанностей отца, но, помимо этого, он был близко знаком и дружил со многими интересными людьми того времени — и с политическими деятелями, и с артистами, писателями, учеными. Поэтому с детских лет мы видели у себя дома очень известных, выдающихся людей. Бывал у нас и Немирович-Данченко. Это я помню, поскольку театром интересовалась сызмальства, а отец дружил с Московским Художественным театром. Я помню премьеру «Дней Турбиных», отец взял меня с собой, это было сильное впечатление.

Очень ценным приобретением для меня стал дневник моего отца, который чудом сохранился. Он отдал его своей сестре, ленинградской актрисе, когда почувствовал нависшую над ним угрозу, и попросил ее: «Когда-нибудь, если это будет возможно, верни эти записки моим детям». И после его реабилитации она передала мне этот дневник, по-своему уникальное свидетельство человека умного и талантливого. Жаль, что трагическая смерть оборвала эти записки.

— Давайте перебросим мостик из прошлого в настоящее. Верите ли вы, что сегодняшняя творческая интеллигенция способна посеять что-то «разумное, доброе, вечное»?

— Нет, не верю. Интеллигенция на протяжении всей моей долгой жизни, именно творческая интеллигенция, вела себя зачастую не самым лучшим образом. Причем даже наиболее достойные ее представители. Мы хорошо помним и писательские съезды, и газетные кампании, и коллективные письма — не защитительные, а шельмующие. Это

Отец был профессиональным революционером. Мама — дворянка, окончила институт благородных девиц. Прадед мой держал свой театр.

каж и в маечке — переехала к маме. Папа и мама были к этому времени в разводе, но мы, дети, жили с отцом. Мама жила со вторым мужем, замечательным человеком, который очень хорошо принял нас в своем доме после ареста отца.

Мама моя была совершенно другим человеком — и по происхождению, и характерами они с отцом очень не походили друг на друга. Мама — дворянка, окончила институт благородных девиц. Абсолютно не приспособленная к жизни, так и не сумевшая до конца понять всех происшедших в стране перемен, она запоем читала французские романы, абсолютно ничего не умела делать по дому, но была необычайно жизнерадостным человеком, устойчивым и, как это ни странно при ее неприспособленности, трудности переносила очень легко.

К вопросу о том, что никто в этом мире не сам по себе: прадед мой по отцовской линии — прибалтийский немец, сосланный в Пермь за свою народолюбивую деятельность, вместе с женой держал свой театр. Так что театр в моей жизни — не случайность.

Папа тоже очень любил театр, пел, сопровождал себя на мандолине, читал комические рассказы Зошченко, Чехова. На приемах в ВОКСе, будучи его председателем, он всегда выступал как артист, чем многих шокировал — по-видимому такое поведение не соответствовало высокой должности.

Кстати, мамин отец — вильнюсский поляк. Так что в вильнюсской польской общине меня после «пани Моники» признали за свою

Ольга Аросева: ДАВАЙТЕ МЕЧТАТЬ О ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ

— Актриса — это профессия или образ жизни?

— И то и другое. Потому что так не получается: сколько-то часов в день ты — артистка, а сколько-то — просто женщина.

— Восполняют ли сыгранные роли, то есть прожитые, пережитые чужие судьбы, пустоты в жизни личной? Или Богом данное человеку внутреннее одиночество — это особое состояние.

— Мне кажется, скорее наоборот — профессию питают жизненные коллизии и переживания. Тут трудно провести границу. Это как бы процесс взаимного перетекания одного эмоционального состояния в другое. Хотя я не буду кривить душой и утверждать, что, играя свои роли, настолько вживаюсь в них, что становлюсь другим человеком, что у меня меняется характер или что роли как-то меняют мою судьбу. Нет, театр — это прежде всего профессия, в которой помогает и мой собственный опыт, и мои наблюдения, все накопленное за долгие годы работы на сцене — все, что было и чего не было.

— Помогает ли профессиональное умение менять маски пересилить собственное настроение — тоску, хандру, отчаяние, может быть неуверенность в себе?

— Лично мне в жизни прежде всего помогало и помогает собственное легкомыслие, которое является существенным компонентом всех сыгранных мною ролей. Но это уже от природы, от родителей...

— И все же, умение изобразить веселье, когда тебе хочется плакать, преодолеть боль, чтобы не вызывать жалость, — этому можно научиться в театральном училище?

— В рамках профессии — да. Известно много случаев, когда актер играет, скажем, с травмой, даже с переломом, с острым сердечным приступом, в состоянии стресса или депрессии. Во всяком

семьи. Мне было 12 лет, когда расстреляли как «врага народа» моего отца. Я часто ловлю себя на том, что узнаю в себе, в своем поведении, в жестках манеры отца, я ничего не придумываю — это узнавание происходит на подсознательном уровне. Он был профессиональным революционером, членом партии большевиков с 1907 года. Офицером-прапорщиком он перешел на сторону революции, был одним из руководителей московского вооруженного восстания — командовал войсками штаба при Военно-революционном комитете. Отец был революционером в третьем поколении — мать его, дочь родовольца, активно помогала сыну и его товарищам по подпольной

